

HOROMEDON

I

Жертвенник ли, затепленный в небе, печальное ли око слепого дня, или сноп золотой пшеницы серпом месяца сжаты<й?> на звездных пажитях, — ты, Солнце, — или колесница бога¹, — и потоки времени струятся из-под твоих колес на тусклой земле, и жгучая взметается пыль мгновений из-под копыт коней времени...²

Нет, ты лишь видимый знак того, кто сизначала был Имя³, того, кто не в небе, а в звездных глубинах человеческой души совершает свое восхождение сквозь знаки внутреннего Зодиака.

Аполлон-Оритэс!⁴ Аполлон-Горомедон!⁵ понимаю, почему тебе дано имя вождя времени и почему в твоей свите хоровод Муз переплетен с хороводами мгновений!⁶

Лишь тогда возможным становится деление искусств, когда звездная влага, неподвижно обнимающая миры, недоступные постижению, едкой возмущенная щелочью человеческого сознания, приходит в движение и разлагается внутри нас на три стихии: прошлое, настоящее и будущее.

II

Взаимно проникая, сливаясь и рождаясь одна от другой, эти стихии лишь маршево, рожденное от светильника Психеи⁷, пламя которого трепетно вспыхивает в душе, прерывной линией — кратчайшей между точками рождения и смерти, отмечая сознанные мгновения⁸.

И ничто не может удержать ускользания мгновений, потому что каждое «остановись, мгновенье — ты прекрасно»⁹ несет в себе срыв в небытие.

Но искусство — алмазный мост¹⁰ между бытием и тем, что вне бытия, и когда Аполлон приказывает: «Остано-

вись!» — мгновенью, оно, окоченев в своем трепете, свертывается и застывает в мраморе ли, в золоте, в эмали или в бронзе, в штрихе ли карандаша или в размахе кисти, в крылатом вознесении каменной башни или в оттиске медной доски.

Так сохраняется форма мгновения — гробница полая его земным телом.

И подобно тому, как рука, ощупывая кремневый нож каменного века, находит в нем впадины и выступы для пальцев и, угадав их, невольно повторяет то напряжение мускулов плеча, которое наносит удар, так душа того, кто проникается произведением искусства, ложится в гробницу формы и, покорившись движению линий, означенных ее емкостью, расцветает неускользающим, но отныне от вещества рождающимся мгновением.

III

В этом задача искусств пластических, творящих в настоящем: все то, что безвозвратно, и то, что лишь желанно возможно, то, что лишь соотношение углов и линий, и то, что порыв страсти и горение духа, пластическое искусство сплавляет с веществом так тесно и глубоко, как самая не сплавлена человеческая душа со своим земным телом.

Пластическое искусство творит свою работу в самом сердце вещества, непрерывно претворяя его и просветляя жизнью и пламенем закленных мгновений.

Живописец, скульптор, архитектор — ты не творец; ты лишь воспитатель вещества; камень и металл, цвет и линию ты учишь равновесию, человеческому строю и гражданственности, ты по складам научаешь их желаниям, ты посвящаешь их в таинства страсти и тишину их сознания отравляешь ядом чувства и страдания.

IV

Что такое сознание души в настоящем мгновении? Пламя свечи, тухнущее и вновь разгорающееся под дыханием

двух ветров с надутыми щеками, или сухой лист дерева, закружившийся в водовороте двух течений реки?

Вся косность омертвевших мгновений прошлого стремится преодолеть вольный ветер событий, веющий из будущего¹¹, и, как образовавшийся вихрь втягивает в себя пыль ногами многих людей обитой дороги и ею становится видим, как синева полудня и пурпур закатов существуют пылью, развеянной в горних областях воздуха, так настоящее мгновение может быть осознано лишь пылью ощущений.

Но у настоящего нет граней: оно еще не перестало быть будущим и уже становится прошлым, оно уже сложено в кладовую изжитых мгновений.

V

Музыка — искусство, творящее в стихии прошлого.

Не случайно, безвольно и сладко отдаваясь стихии звуков, сознание испытывает ощущение гармоничного падения вниз: это бездны, где корни души гнездятся, разверзаются, это проваливается дно памяти¹², распахиваются двери в сокровенные склепы, где живут призраки отжитых вселенных.

Не одну, а вечность вечностей дух творит тело, втягивая и претворяя в себе то вещество, которое захвачено его вихрем (извечный процесс пластического творчества)... Так камень, сорвавшийся с вершины, увлекает в своем полете другие камни, щебень, сухие травы, срывает кустарники («Будь, как лавина, которая есть только то, что она уносит с собою!»)¹³.

О, радостное тело мое, ты лавина, которая сорвалась с уст Божьих в тот миг, когда времена времен были низвергнуты в бытие¹⁴, ты лавина, образовавшаяся стремительным падением моего я в вещество, ты мое прошлое, сжавшееся в плоть, оживотворенную кровью, которая в темноте моих жил несет необъятности рассыпавшихся когда-то вне меня звездных вселенных.

Ты летопись мира, и музыка разворачивает тебя, как свиток, и помогает мне прочесть самого себя от последней буквы до первой.

Вся история человеческих деяний записана в складках моего мозга, вся история зверя жива в бессознательных сокращениях моих мышц, очаг сердца поддерживает в моем теле температуру того Океана, из которого вышло все живущее на земле¹⁵, строение костей моих учит меня тому, как строились горы, слагались минералы и копились плодоносные речные щебни, а если внутреннее око я опущу по своему спинному хребту, то увижу его в виде змея, первого из тварей, сказавшего про себя Я.

VI

О, ты, солнечной стрелой поразивший Змея и на вратах храма, на змеином воздвигнутого гнезде¹⁶, возвестивший каждому человеку: «Ты сси!»¹⁷

Музыка — искусство памяти, нить Ариадны¹⁸ по внутренним лабиринтам, ставшая струной на кифаре Аполлона!

Сократ, учись музыке¹⁹ перед тем, как тебя покинет сознание земной формулы бытия: вспомни самого себя!²⁰

Какую великую грусть испытывает дух, лишь во мгновении сознающий себя, когда он вступает в мир звучащих чисел и формул²¹, из которых каждая выражает цифру соотношения духа распавшихся вселенных²². О, число — скелет воли! О, кладбища бытия в буре гармонии! О, великая радость совместить все развернутые циклы прошлого бытия в едином дыхании флейты!

Слушайте, пастухи, как в полдень Пан играет на вершине скалы, ибо звездные сферы движимы звуками его свирели²³.

VII

В успокоенную совершенность прошлого бурно вливается грядущее, насыщенное всем трепетом желаний и всеми неистощимыми кладами возможностей.

Над этой стихией, представляющей чистую сущность воли, которой нет иных форм, кроме осуществления моих желаний, над этой стихией свершений, в которой человек

бродит безгранично свободный своей слепотой, я властвую словом.

Поэзия — голос внутреннего Я, составшая в своем корне финикийское *phōhē* (— голос)²⁴ с *ish* (Я — бог).

Поэзия — царственная наука слова, которая творит в стихии будущего.

Все, прежде чем начать существовать как воля²⁵, как форма, как лик, раньше было словом, и нет ничего вокруг нас, что не таило бы внутри себя Слово, скрытое в темном веществе: и звук, и запах, и цвет — все внешние восприятия, — лишь ожоги огненного, личинами мира плененного слова²⁶, которое из глубины темницы подаст свой голос поэту и ждет от него своего имени, своего освобождения.

VIII

Как Микель Анджело, остановившись перед узкой глыбой камня и прозревая в ней стесненную мощь своего Давида²⁷, восклицает: «Кумиры дремлют в мраморном плену косных глыб»²⁸, точно так же евангелист Иоанн, не дикую созерцая глыбу камня, а целую вселенную, в которой заблудился человеческий дух, пишет: «В начале было Слово... и Слово стало плотью!»²⁹

И тою же охваченный тоскою пленения темный Гераклит³⁰ открывает глубочайшую тайну о том, что путь познания мира лежит через имена³¹.

«Ах, и в камне таилось издревле пленное слово»³², раскрывается Мелампу, которому змеи лизали уши³³.

IX

Как лунатика, из которого злая луна вынула его Я и он идет уверенной ошупью не своею движимый силой; надо, чтобы он вспомнил самого себя и в силе звука обрел власть над собою, окликнуть по имени, так, громко именуя одно за другим явления мира, поэт пробуждает их от лунного сна.

Тебе, Орфей, власть напевными именами расколдовать землю, и звери, освобожденные тобою от уз звериного, лижут

тебе в благодарности ноги, и камни идут за тобою, освобожденные от уз тяготения³⁴, и люди, освобожденные ритмом от уз Диониса, убивают тебя³⁵, ибо смерть — высший дар от человека человеку³⁶.

X

О слова, живущие на моих устах, вы лучи внутреннего солнца, которым сущее отвечает цветом, звуком, вкусом, благоуханием; в вас недоступная моей воле заклинательная сила: скудную мысль моего сознания я уловляю в четкое и тесное кольцо слов, а они, силою заключенной внутри их, сами складываются в магические формулы, которым повинуются стихии.

Вещая книга прорицаний Сивиллы³⁷, книга заклинаний и чисел, книга, в которой записаны судьбы народов — Словарь моего языка! Как знахарь, властные собирающий травы на ночных полянах, как алхимик, над пылающим горном исследующий души и воли элементов, я в утерянном Раю языка ищу древнейших корней, и, сжигая слова в филологических ретортах, я отделяю ту ослабляющую их волю влагу, которой они напитались в книгах, я исследую строение стебля и рисунок цветка, и, в мудрых синтаксических сочетаниях, сплетаю из них праздничные венки так, чтобы не только внешняя гармония красок и линий ласкала глаз, но чтобы законченность круга была основана на внутреннем соответствии тех слов, из которых он сплетен.

Так из многих слов я сплетаю единый венок, нахожу одно имя, чистое и непроизнесенное, и несу его в мир, чтобы узнать, которая из вещей откликнется на него.

Вы же, те, кто видите в слове не живое существо, одаренное сверхчеловеческой волей и сознанием, а лишь мертвый и послушный инструмент, вы не выйдете никогда из границ приблизительного, ваши речи останутся только намеками, проклятием вашим станет тупое перебирание словесных клише, истертых и тусклых, как слепая монета, утратившая свою заклинательную силу, и ни одна вещь в целом мире не ответит на ваш призыв тихим и радостным гулом.

Надо писать так, чтобы каждая фраза была именем.

XI

Слово для человека цель, а не средство.

XII

Таково влияние поэзии на мир внешних вещей, целиком обросших плотью: она пробуждает в них смутные воспоминания о самих себе, она снимает заклятие косности, она размывает упорные толщи вещества, и, обратно развитию мира, в котором слово становится плотью, она вновь превращает в слово то, что уже стало телом.

Но на внутренний обращенная мир поэта, она имеет иные влияния и из заклинательной становится пророчесственной.

Здесь слово — осуществление статимого, а все что есть, во времени осуществляется лишь однажды и в течение одного мгновения. Пророчество — только намек на возможность события, если же слово равносильно тому, о чем повествует, то оно перестает быть пророчеством, а становится произведением поэзии и этим устраняет возможность иного осуществления.

Каждое слово, в которое я вкладываю свою душу, убивает в будущем некую возможность жизни. Каждый найденный стих говорит не о прошлом, а о будущем, которое уже не осуществится.

Слово это принесение в жертву самого себя, слово это омрачение от будущего, оно питается живой кровью возможного!

Поэтому только неверные слова могут быть согласованы с поступками, слова же найденные и точные должны находиться в разладе с деяниями по самой природе своей.

Слово не есть ли деяние, спасенное в самой сущности его, деяние, которому я не дал расточиться в напрасном свершении.

XIII

Пусть другие, усомнившиеся вместе с Фаустом в подлинности текста «в начале было слово», исправляют: «в начале было деяние»... (и уже черный пудель радостно лает в углу комнаты и раздувается в огненное чудовище, и Мефистофель в костюме странствующего студента с насмешкой отвечает на вопрос Фауста об имени: «легкомысленным кажется мне этот вопрос для того, кто так презирает слова»)³⁸ — я же выбираю не Деяние, а слово, и восклицаю вместе с Акселем:³⁹

«Я слишком много думал, чтобы унизиться до действия!»

XIV

Таково троичное деление искусств, согласно нашему представлению о времени, более подобающее лику Аполлона — предводителя Мойр⁴⁰, чем Аполлона Мусагета⁴¹.

Вас три, а не девять⁴², темные музы времени, правящие судьбами человека на земле.

Клото, из кудели прошлого ты сучишь нить памяти, ты в музыке раскрываешь нам чувственное восприятие числа, ты несешь токи умерших волей, ты раскрываешь нам забытые миры.

Атропос, ты ножницами перерезаешь нить жизни, ты указываешь пальцем настоящее мгновение на доске солнечных часов или держишь в руках весы, на которых прошлое и будущее равновесятся.

Лахезис, подымающая прозрачную сферу грядущей вселенной, на которой рука твоя чертит предопределяющие имена, — ты истинная муза поэзии!

XV

Так противоупреждениями сил строятся своды человеческого храма: в то время, как поток поэзии размывает твердые породы физического мира и строит из него кристалл будущей вселенной (дабы не исполнилось слово Маллармэ: «не

создал в песне он страны, чтоб улететь, когда придет зима в сияньи белой скуки»)⁴³, пластические искусства осуществляют настоящее, претворяя все, что внутри и вовне человека, в перламутровую раковину, в которой стремится замкнуть себя дух человеческий и слиться с нею в единую плоть; а музыка, между тем, пронизывая все единством ритма, подобно ключу свода спаивает противоположные силы и примиряет противоречия духа в конечном слиянии чувственного числа.

XVI

Пластика говорит: «Остановись, мгновенье!»

Музыка: «Вспомни самого себя!»

Поэзия: «Да будет!»